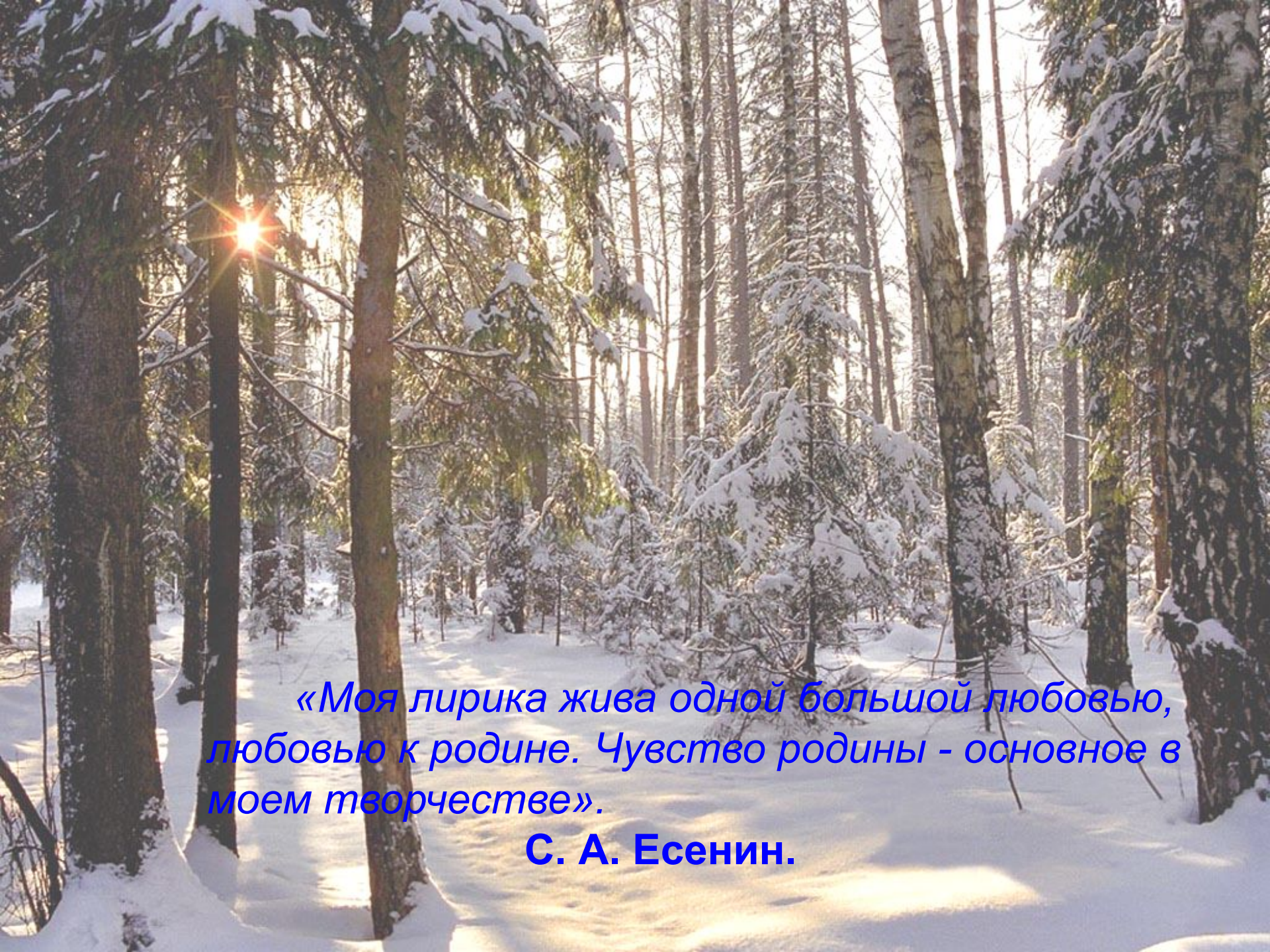

A photograph of a winter forest. The ground is covered in a thick layer of snow, and the trees are heavily laden with snow. The sun is shining from the left, creating a bright glow and long shadows on the snow. The overall atmosphere is peaceful and quiet.

Сергей Есенин

Поэма Родины

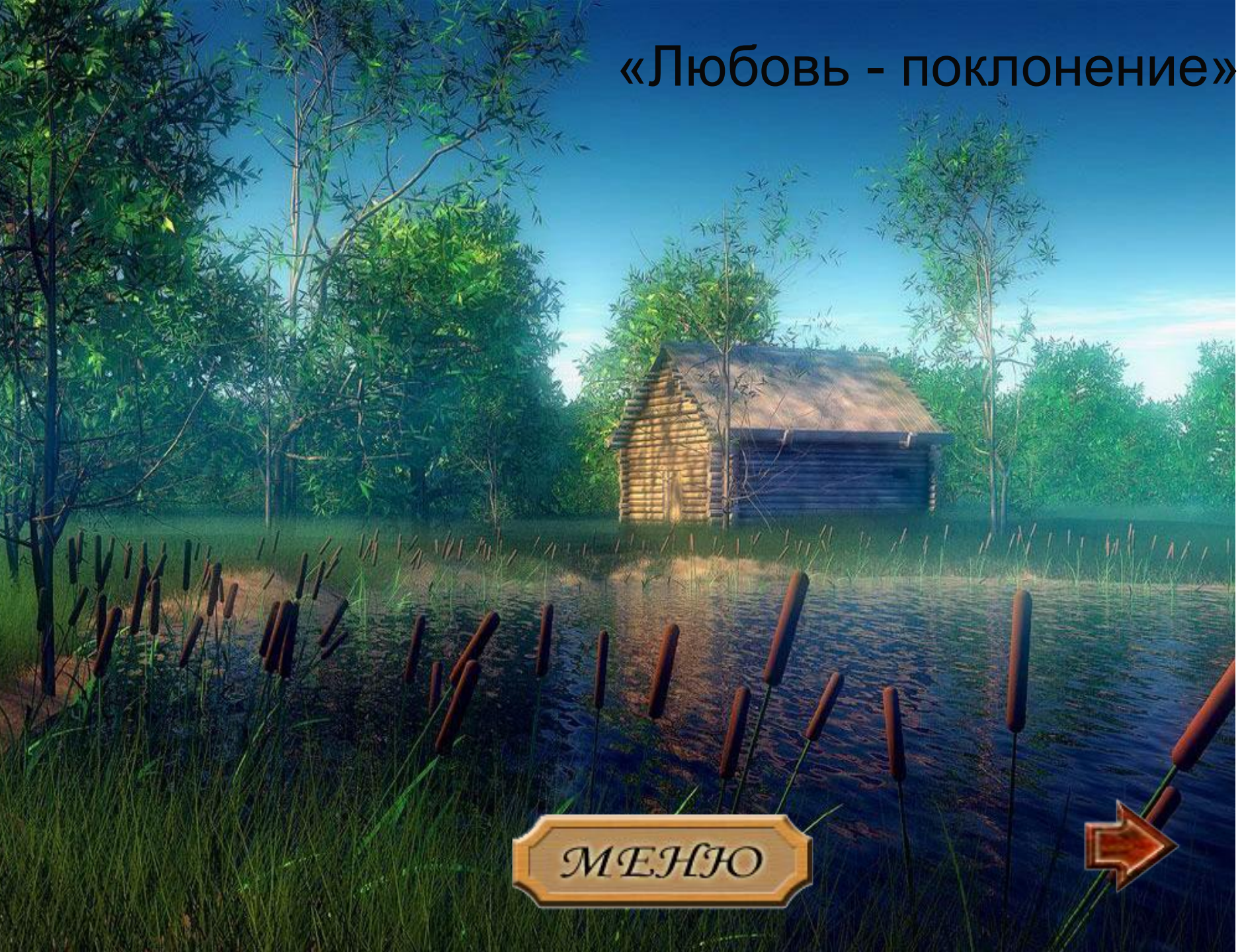
*«Моя лирика жива одной большой любовью,
любовью к родине. Чувство родины - основное в
моем творчестве».*

С. А. Есенин.

МЕНЮ

- ❖ Любовь-поклонение
 - ❖ Любовь-мираж
 - ❖ Кризис
 - ❖ Вдали от родины
 - ❖ Возвращение
- Возвращение на родину**

«Любовь - поклонение»

Родина в творчестве Есенина - его единственная любовь. Он объясняется в любви не к женщине, а благодатной родине.

Основная черта лирического героя поэзии Есенина, как и самой Руси, - кротость. Сам лирический герой — пастух, богомолец. Наибольшую важность для него представляет единение с природой, а природа для Есенина олицетворяет храм. Храм — христианство, Бог; природа — крестьянство. Именно эти два начала легли в основу мировоззрения поэта в те годы.

Наиболее популярен в его поэзии 1914 – 1916 гг. образ крестьянского рая. Деревенская жизнь у поэта – крестьянский космос, а всевозможные мелочи, предметы, неразделимые с крестьянским бытом – образ духовной благодати.

Ранний Есенин имеет пристрастие к диалектизмам (выть, веретье, скатый, дежка и т.д.), подчеркивающим его глубокую внутреннюю связь с Родиной.

Кротость героя вытекает из ностальгии по старой крестьянской Руси, из принципа «всеприемственности», из философского успокоения.

В предреволюционные годы Есенин все больше думает о судьбе загадочной нищей и необъятной России. Одной из основных тем, которая объединяет стихи 1916 года, является тема прощания с прошлым. В них отразилась горечь разлуки с другом, с родными местами, где поэт прислушивался к звукам природы и любовался ее красотой, с любовью, которая казалась лишь сном, отзвуком, тенью и теперь «отоснилась ... навсегда». Возникают сквозные темы поиска пути, дороги для своей родины и самого себя.

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.*

*По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы – кроткие монашки.
(«Край любимый! Сердцу снятся...», 1914)*

МЕНЮ

*Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком —
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.*

...

*Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.*

(«Пойду в скуфье смиренным иноком...», 1914)

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

(«Гой ты, Русь, моя родная...», 1914)

*О Русь – малиновое поле
И синь, упавшая в реку, -
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.*

(«Запели тесаные дроги...», 1916)

МЕНЮ

"Любовь-мираж"

МЕНЮ

Есенин, начиная с 1917 года и заканчивая 1919, - утопист. Два года он под влиянием своих утопических идей творил необиблейский миф о русской революции. Он не писал любовную лирику, не писал гражданскую, он не выступал как теоретик стиха; вся его творческая энергия сосредоточилась на идее России – Инонии, на иной Руси.

Лишь в 1918 году параллельно с произведениями во славу Третьему Завету Есенин написал тихую лирику с ностальгическими мотивами покоя, благодати, «коломенской грусти», «свечки чисточетверговой», тихого радости и «златого затишья», «нежной девушки в белом».

Пред поэтом вновь встают родные черты села и того невозвратного прошлого. Песни-крики, гимны Третьему Завету уравнивались в настроениях поэта мотивам умиротворения, образами гармонии, любовными признаниями Родине, агрессивное динамическое состояние и лирического героя, и мироустройства в целом сменялось идеалами покоя, моделью статического миропорядка.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исая
Моих золотых коров.

(«О пашни, пашни, пашни...», 1917 – 1918)

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелиться.

(«Душа грустит о небесах...», 1919)

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.

(«О верю, верю, счастье есть...», 1917)

КРУСНА

МЕНЮ

В 1919 году наступает резкий перелом в настроениях Есенина. Он видит реальную опасность разрушения родного мира природы и чувствует свое бессилие перед грубой механической силой. В стихи двадцатипятилетнего поэта, теряющего свою любимую «голубую Русь», входят мотивы преждевременного заката жизни:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

(«Не жалею, не зову, не плачу...», 1921)

МЕНЮ

В эти годы в поэзии Есенина громче всего звучала именно тема трагического противостояния города и деревни. Стихотворение о гибели деревянной Руси он назвал «Сорокоуст» - Словом, обозначающим поминальную службу по умершему в течение сорока дней после смерти. Здесь город-враг, который «тянет к глоткам равнин пятерню»; сама природа — в состоянии гибели:

Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой разmozжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.

Индустриальный образ требует от Есенина новой поэтики и нового языка. В «Сорокоусте» поэт сочетает грубость и даже сквернословие с необычайной нежностью, чтобы показать всю любовь и тоску по умирающей «голубой Руси». Есенин расширяет ритмические вариации стиха, рамки рифмы и ассонанса. Душевный внутренний кризис сопутствует резкому подъему в «профессиональном росте» поэта. Недаром Валерий Брюсов назовет «Сорокоуст» «лучшим из всех, что были написаны за последнее время».

В 1921 году Сергей Есенин пишет широкоизвестную элегию «Не жалею, не зову, не плачу...», где поэт утверждает, что ничто на самом деле не проходит бесследно и наше прошлое живет в настоящем и переходит с нами в будущее. Каждый миг жизни благословенен и потому драгоценен, и потому ни о чем не стоит жалеть и всем стоит дорожить. Это стихотворение показало, что поэт преодолел имажинизм и опять очутился на свободе, вернулся «домой».

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.

(«Не жалею, не зову, не плачу...»,
1921)

Вдали от родины

Ощущение трагедии, которая происходит с Россией и душой народа, обманутого «суровым Октябрем», мука собственного бессилия перед «роком событий», личные неурядицы выплескивались в стихи, составившие цикл «Москва кабацкая», и поэму «Страна Негодяев».

В «Стране Негодяев» выразились не только оппозиционные настроения Есенина, но и понимание им своего изгойства в реальном социализме. Ему невыносимо и снисходительное к себе отношение властей, и свое «злое уныние», и то, что от революции только и осталось — «клюнь да трубка». Чувствуя себя пасынком в Советской России, Есенин и открыто выражал свое нежелание возвращаться на родину из заграничной поездки, и высказывал свое предположение о том, что его, крестьянская, революция еще не начиналась.

В «Москве кабацкой» Есенин выразил свою общественную позицию: он не идет на компромисс, не принимает большевистскую версию революции ни в стихах, ни в жизни:

«Я за советскую власть, но я люблю Русь. Я по-своему. Намордник я не позволю одеть на себя и под дудочку петть не буду. Это не выйдет.»

В «Москву кабацкую» Есенин вводит тему «родного дома», «родимого края», любви к «этому дому деревянному». Все ушедшее, дорогое вдруг вспоминается поэту как сон:

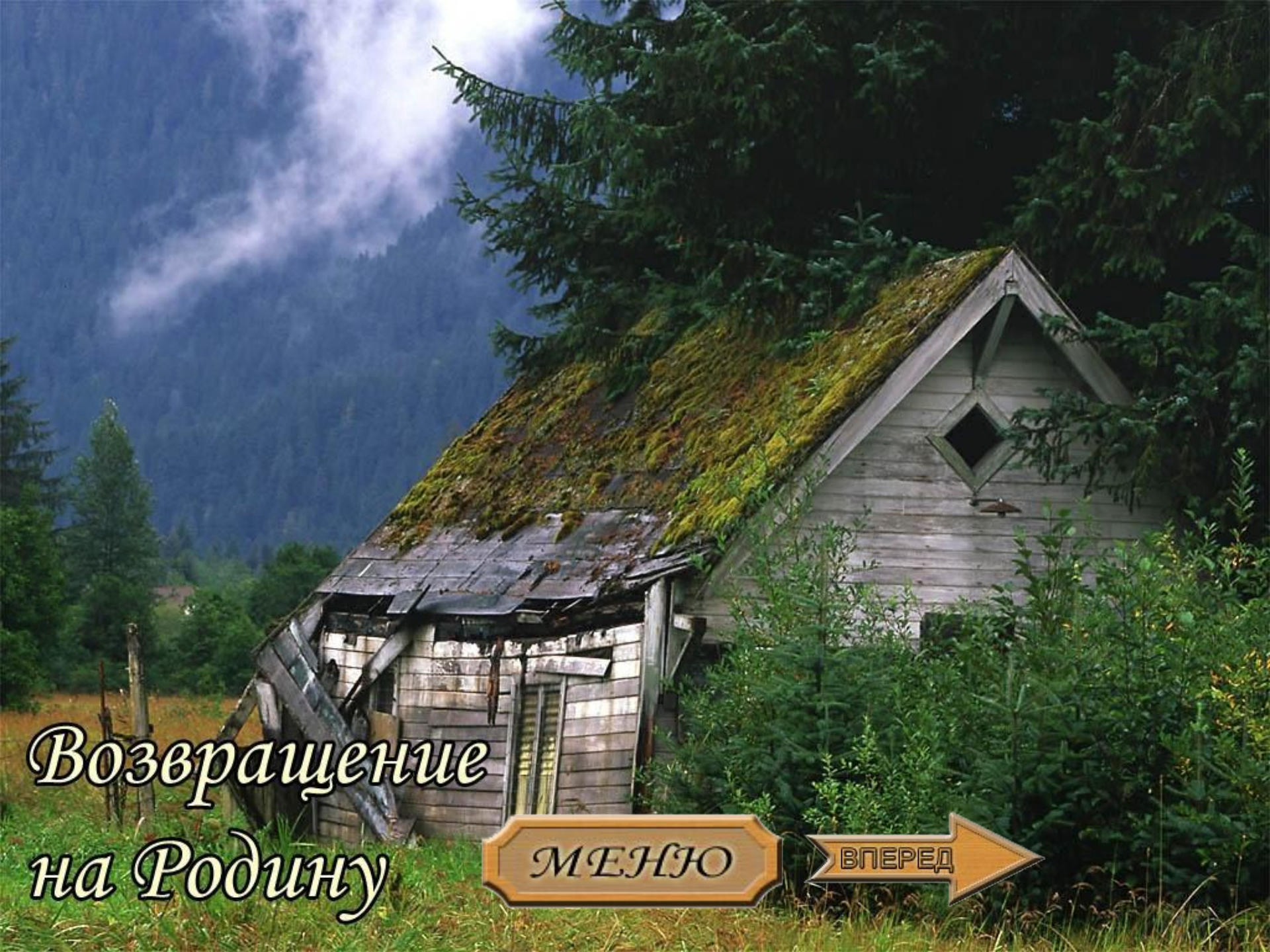
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

(«Эта улица мне знакома...», 1923)

Даже в стихотворении «Да! Теперь решено. Без возврата...», где Есенин признается в любви городу, «Я любил этот город вязевый. // Пусть обрызг он и пусть одрях», он с горечью вспоминает «низкий дом» и сдохшего «старого пса», а слова: «На московских изогнутых улицах // Умереть знать судил мне бог» указывают на «осужденность» поэта, какую-то «предначертанность» расставания с Русью деревянной.

МЕНЮ

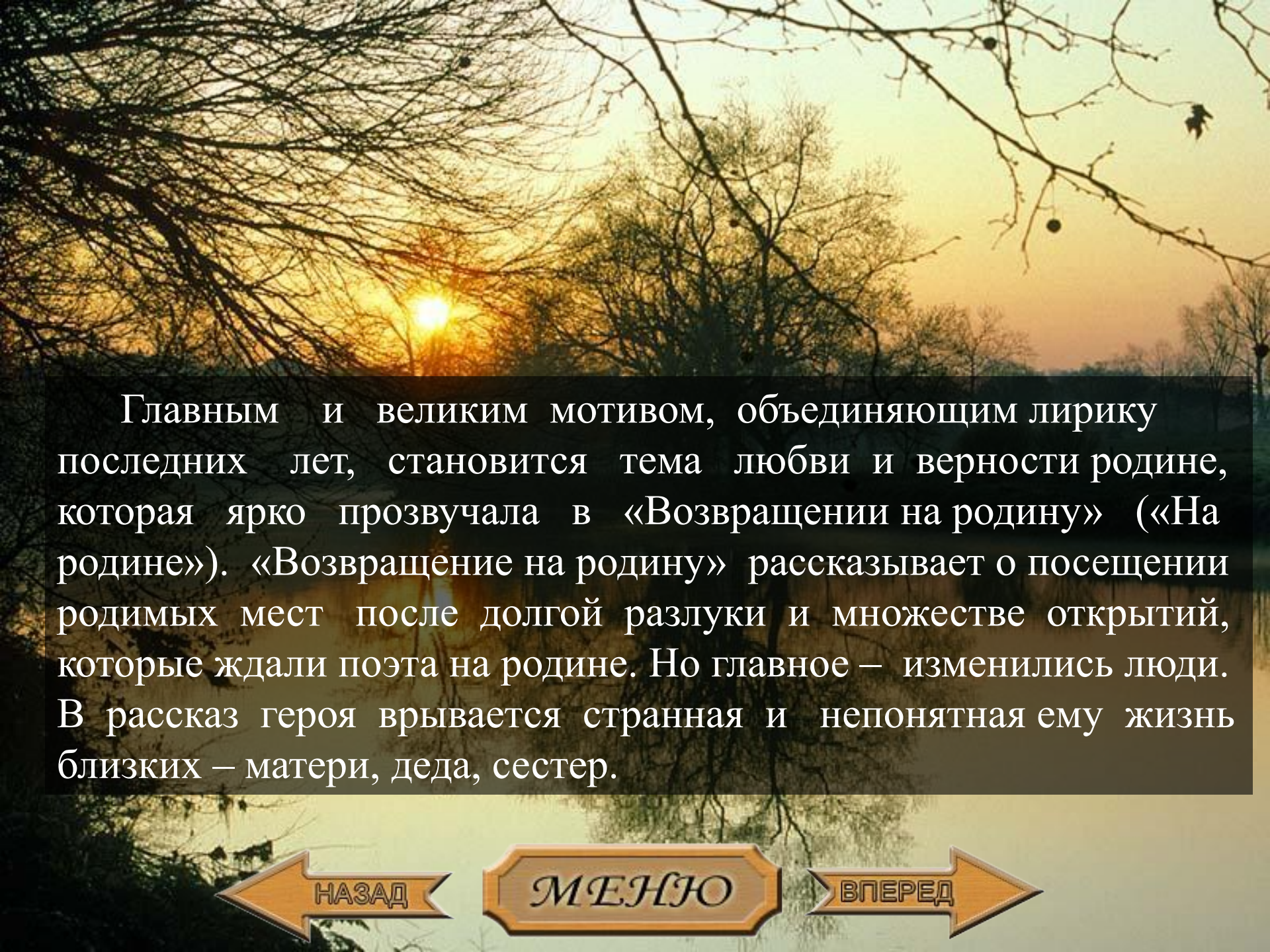
*Возвращение
на Родину*

МЕНЮ

ВПЕРЕД

Есенин возвращается в Россию. На смену бурным страстям и диссонансам «Москвы кабацкой» в его поэзию 1924-1925 годов входит «иная жизнь, иной напев». Поэт снимает маску скандалиста и хулигана и раскрывает свою истинную суть – собеседника и философа.

Главным и великим мотивом, объединяющим лирику последних лет, становится тема любви и верности родине, которая ярко прозвучала в «Возвращении на родину» («На родине»). «Возвращение на родину» рассказывает о посещении родимых мест после долгой разлуки и множестве открытий, которые ждали поэта на родине. Но главное — изменились люди. В рассказ героя врывается странная и непонятная ему жизнь близких — матери, деда, сестер.

НАЗАД

МЕНЮ

ВПЕРЕД

Задавленность крестьянской культуры, уничтожение нравственных ценностей когда-то голубой, радостной, Богом избранной и Миколой хранимой Руси – такой видит большевистскую деревню, «милый край», Есенин. Его ощущениям соответствует монолог деда. Голубой русский рай теперь – обпечаленная русская ширь с «водянистой, серой гладью».

В этой России он чувствует себя чужаком. Элегическая грусть о Руси уходящей и прожитой жизни – темы лирики 1924 года. Об этом и «Этой грусти теперь не рассыпать...», и «Русь уходящая», и «Низкий дом с голубыми ставнями...», и «Отговорила роща золотая...».

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

(«В этом мире я только прохожий...», 1925)

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

(«Я красивых таких не видел...», 1925)

НАЗАД

МЕНЮ

ВПЕРЕД

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

(«Ты запой мне ту песню, что прежде...», 1925)

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

(«Мелколесье. Степь и дали...», 1925)

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

(«Гори, звезда моя не падай...», 1925)

НАЗАД

МЕНЮ

ВПЕРЕД

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве,—
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в осень сове.

(«Я усталым таким еще не был...», 1923)

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

(«Этой грусти теперь не рассыпать...», 1924)

НАЗАД

МЕНЮ

ВПЕРЕД

*Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

